

Гарантии справедливого разбирательства при дисциплинарном производстве в отношении адвокатов в контексте требований статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Научный руководитель – Филатова Мария Анатольевна

Воробьев Виктор Викторович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Москва, Россия

E-mail: vvvorobyev@hse.ru

Конституционный Суд России неоднократно отмечал в своих решениях, что будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, на которого законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе и по назначению судов), адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи [1].

В свете публично-правового характера деятельности адвоката особое значение приобретает возможность и порядок привлечения его к дисциплинарной ответственности, в том числе в виде прекращения статуса адвоката. Такая возможность предусмотрена статьёй 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Порядок дисциплинарного производства, в свою очередь, определяется Кодексом профессиональной этики адвоката, раздел второй которого посвящён процедурным основам дисциплинарного производства.

Дисциплинарные процедуры в отношении адвокатов, нашедшие достаточно подробную регламентацию в Кодексе профессиональной этики адвоката не могут не вызывать мыслей об их аналогии с нормами гражданского и уголовного процессуального права, со всей очевидностью воспринятыми адвокатским сообществом при принятии упомянутого акта корпоративной этики.

В этой связи возникает вопрос о том, являются ли квалификационные комиссии и советы адвокатских палат, рассматривающие дисциплинарные дела, по сути судебными органами в понимании Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и, как следствие, распространяются ли на дисциплинарное производство в отношении адвокатов гарантии права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренные статьёй 6 ЕКПЧ.

За годы своей деятельности Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) выработал «автономные» определения суда, имущества, государственной службы, гражданских прав и обязанностей и ряда других понятий.

Согласно позиции ЕСПЧ дисциплинарный или административный орган может обладать характеристиками «суда» с точки зрения автономной трактовки статьи 6 ЕКПЧ, даже если в национальной системе он не определён как «трибунал» или «суд». В практике ЕСПЧ суд, по существу, характеризуется наличием судебной функции, то есть разрешением дел в рамках установленной законом компетенции и после проведения разбирательства в установленном порядке. Он также должен соответствовать ряду дополнительных требований, часть которых изложена в пункте 1 статьи 6 ЕКПЧ: независимость, в частности от исполнительной власти; беспристрастность, продолжительность срока полномочий его членов; наличие гарантий, обеспечиваемых судебной процедурой [2, 3, 4].

Деятельность органов адвокатского сообщества, осуществляющих дисциплинарное производство, отвечает этим критериям. Так, они разрешают вопрос о наличии в действиях адвоката дисциплинарного проступка в рамках установленной законом компетенции и после разбирательства по установленной процедуре. При этом они независимы от исполнительной власти и назначаются на продолжительный срок полномочий (по крайней мере, не меньший, чем мировые судьи).

Однако для решения вопроса о применимости статьи 6 ЕКПЧ необходимо также обосновать, что в ходе дисциплинарного производства в отношении адвоката решается спор о его гражданских правах и обязанностях либо ему предъявлено уголовное обвинение.

Уголовно-правовой аспект статьи 6 Конвенции.

Следует отметить, что ЕСПЧ неоднократно указывал, что классификация в национальном законодательстве того или иного правонарушения не является решающим фактором при решении вопроса о применимости ст. 6 ЕКПЧ. Скорее следует учитывать природу правонарушения и строгость санкции, предусмотренной за такое правонарушение [5].

К примеру, в деле «Каспаров и другие против России», где заявители были признаны виновными в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ЕСПЧ пришёл к выводу, что правонарушение, вменяемое заявителям следует считать «уголовным» для целей ст. 6 ЕКПЧ, несмотря на классификацию данного правонарушения как административного в национальном законодательстве и несмотря на то, что максимальный штраф за данное правонарушение составлял 1000 рублей. Суд пришел к заключению, что штраф в размере 1000 рублей по своей природе являлся «наказательным» и «превентивным», что скорее характеризует уголовный штраф, и постановил, что к данному административному процессу применима ст. 6 ЕКПЧ [6].

Именно «карательный» характер наказания имеет, по мнению ЕСПЧ, в данном случае решающее значение [7].

При этом меры дисциплинарной ответственности в отношении адвокатов нельзя признавать вопросами исключительного корпоративного характера, поскольку, как уже упоминалось, Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Таким образом, вопросы привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности, в том числе прекращения их статуса, не могут рассматриваться как исключительно частные вопросы внутренней «кухни» саморегулируемой корпорации, но должны рассматриваться как меры публично-правовой ответственности. В свете разработанных Министерством юстиции предстоящих реформ, направленных на введение адвокатской монополии, такие меры ответственности, по сути, могут рассматриваться как публично-правовые меры по дисквалификации юристов, запрету на профессию.

Гражданско-правовой аспект статьи 6 Конвенции.

В своей практике ЕСПЧ отмечал, что если законодательство устанавливает условия допуска к определённому роду деятельности или профессии, то лицо, соответствующее этим условиям, имеет право на допуск к соответствующему роду деятельности или профессии [8]. Следовательно, спор о праве адвоката продолжать осуществлять профессиональную деятельность может быть отнесён к «спорам» по поводу «гражданского права» по смыслу ЕКПЧ.

Возможные последствия распространения требований статьи 6 ЕКПЧ на процедуры дисциплинарного производства в отношении адвокатов.

В первую очередь это процедурно-процессуальные требования справедливости разбирательства, предусмотренные статьёй 6 ЕКПЧ в её толковании в прецедентной практике ЕСПЧ. К ним относятся и системности практики, и требования состязательности и равноправия сторон (*equality of arms*), а также ряд требований к доказательствам и к доказыванию, в т.ч. к вызову свидетелей и свидетельским показаниям, экспертизе и др. Наконец, к этим же гарантиям относится и требование обоснованности судебных решений.

Кроме того, по общему правилу разбирательство в квалификационных комиссиях и советах адвокатских палат является закрытым для публики. Между тем статья 6 ЕКПЧ предусматривает публичный характер разбирательства. Так, ЕСПЧ указывал, в частности, что в случаях дисциплинарного производства, когда необходимость защиты профессиональной тайны и частной жизни клиентов может обосновывать проведение разбирательства в закрытом порядке, это должно строго обуславливаться обстоятельствами дела [9]. Во всяком случае, резолютивная часть решения должна объявляться публично.

Что касается гарантий, предусмотренных уголовно-правовым аспектом статьи 6 ЕКПЧ, то они во многом аналогичны «гражданско-правовым» гарантиям. Презумпции же невиновности в дисциплинарном производстве в отношении адвокатов соответствует выработанная адвокатским сообществом презумпция добросовестности адвоката.

Источники и литература

- 1) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других»
- 2) Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 1988 г. № 10328/83 по делу «Белилос против Швейцарии», § 64
- 3) Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 июня 2000 г. № 32492/96 по делу «Коэм и другие против Бельгии», § 99
- 4) Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2011 г. № 54809/07 по делу «Рикерт против Польши», § 43
- 5) Постановление Европейского Суда по правам человека от 08 июня 1976 г. № 5100/71 по делу «Энгель и другие против Нидерландов», §§ 82-83
- 6) Постановление Европейского Суда по правам человека от 03 октября 2013 г. № 21613/07 по делу «Каспаров и другие против России», §§ 41-45
- 7) Постановление Европейского Суда по правам человека от 01 февраля 2005 г. № 61821/00 по делу «Зилиберберг против Молдавии», § 33
- 8) Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 1994 г. № 16997/90 по делу «Де Моор против Бельгии», § 43
- 9) Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. № 53146/99 по делу «Хуртер против Швейцарии», §§ 30-32